

НОРМАЛЬНО ИЛИ ДЕВИАНТНО РАЗЛИЧАТЬ МЕЖДУ НОРМОЙ И ДЕВИАЦИЕЙ?

Валентин Гольберт

НОРМАЛИЗАЦИЯ ДЕВИАНТНОСТИ (ДЕВИАНТНОРМАЛИЗАЦИЯ)

На протяжении последней трети истёкшего столетия в отечественной социологии произошла небольшая научная революция. Состояла она в становлении, распространении и институционализации понятия девиантности как категории социального анализа; вождём её, пророком и классиком, а также основным источником и главной движущей силой явился отец отечественной девиантологии – Яков Ильич Гишинский. В результате наука обогатилась новым понятийным инструментом наблюдения социальной действительности. Наблюдение, согласно Никласу Луманну, состоит в различении и обозначении¹. Новый (на то время) подход состоял в различении между нормой и девиацией и в соответствующем обозначении явлений и процессов социальной жизни.

Значение этой революции не ограничилось пределами узконаучной области. Понятие девиантности прочно вошло в профессиональный лексикон и повседневную практику работников правоохранительных органов, медиков, педагогов, представителей средств массовой информации. Понятие стало элементом наблюдения первого порядка – коммуникативных процессов различения и обозначения, кумулятивным результатом которых является (само)конструирование социальной реальности. До этого социально-коммуникативная реальность самоконструировалась в процессе различения и обозначения нормы и здоровья, легальности и нелегальности, моральности и аморальности и т. д. Теперь же добавилась ещё одна плоскость самоконструирования, что явилось несомненным обогащением жизни – социальной в целом и интеллектуальной в частности.

Итак, это стало нормальным – применять понятие «девиантный» к трудным подросткам, непонятым гениям, лицам без определённого места жительства, проституткам; наркоманам и наркодельцам; серийным убийцам и коррумпированным чиновникам; алко- и трудоголикам; лицам с психическими заболеваниями; с реализованными, в той или иной степени, суицидальными намерениями и т. д. Однако

¹ Luhmann, N. (1992): Die Wissenschaft der Gesellschaft. – Suhrkamp/Frankfurt a. M.: 68 и далее

уже приведённый список даёт основания для сомнения – насколько нормально определять, скажем, проституцию, как эмпирически определённую форму девиации? Не является ли она скорее нормой нашей жизни? Или, к примеру, коррупция? Есть ли некие внутренние качества, объединяющие, скажем, коррумпированных чиновников с серийными убийцами? Одни из них встречаются относительно часто, другие – редко. Одни из них движимы в высшей степени рациональными мотивами, другие – в высшей же степени иррациональными (при допущении наличия неких общепринятых критериев рациональности). Или же общее между вышеназванными группами лиц лишь то, что нам угодно всех их относить к единой категории девиантов? А эта категория – плод чистой конструкции, не соотносимой с реальностью, находящейся за пределами конструирования, протекающего в умах и сердцах «конструкторов»?

Такого рода сомнения не ставят под вопрос само понятие, его смысл, теоретическое и прикладное значение. Они лишь дают повод предположить, что с нормой/девиантностью всё обстоит сложнее, чем это представлялось на заре становления девиантологии. Возможно, практика различения между нормой и девиацией вправе претендовать на статус нормы лишь тогда, когда у неё возникают сомнения: а не является ли она сама девиантной? Другими словами, результат различения входит в процедуру различения, и возникает вопрос: является ли различение между нормой и девиацией нормальным или девиантным?

Всё вышесказанное можно изложить проще: показателем рефлексивной зрелости в научном и вненаучном применении понятия является осознание границ этого применения. В этом случае, помимо различения между нормальным и девиантным, вопрос ставится о различении между процессами и явлениями, в отношении которых применимо данное различение; и теми, в отношении которых оно неприменимо. Или иначе: в каком случае имеет смысл, различать между нормой и девиантностью, а в каком это различение лишено смысла?

«Зрелость» в этом смысле вряд ли можно понимать как переход от одной парадигмы, более простой, уснащённой ярлыками «классическая» или «модернистская», к более «сложной», «продвинутой» и «пост-» («постклассической» или «постмодернистской» – дело вкуса). Скорее речь идёт о добавлении новых вопросов,

которыми теория нормы/девиантности на первых порах не озадачивала себя всерьёз.

«КЛАССИЧЕСКАЯ» ДЕВИАНТОЛОГИЯ

Для озвучивания этих «новых вопросов» придётся условно говорить о двух различных фазах в развитии научного направления, конституируемого понятием и теорией девиантности. При этом ни в коей мере не постулируется чёткой хронологической последовательности либо какого-либо интеллектуального превосходства в отношениях между этими фазами. Для обозначения их, вопреки высказанному уже неприятию пресловутой терминологии, принятой в периодизации научного развития, придётся воспользоваться одним из вариантов такой терминологии (хоть и «скрипя сердцем»). А именно, далее речь пойдёт о «классической» и «постклассической» фазах в развитии девиантологии (наименее неподходящие из всех неподходящих к данному случаю категорий периодизации развития науки).

В «классической» фазе, обычно (но отнюдь не обязательно) характеризующей стадию становления и «первоначального накопления интеллектуального капитала», дисциплина заинтересована в упорядоченном представлении социальной действительности. Речь идёт о разработке концептуальных моделей, позволяющих представить всё крайне сложное (не поддающееся подведению под единый знаменатель) многообразие явлений и взаимосвязей этой действительности в виде достаточно простой и связной схемы. Каковы базовые (аксиоматические) положения той парадигмы конструирования девиантности, которая определяется здесь как «классическая»?

1. Наличие субъекта. Если конструирование есть предикат, а девиантность – объект, то налицо и субъект конструирования. Им может выступать, скажем, общественное сознание, вырабатывающее критерии и практики различения «нормального» и «ненормального». Им может быть законодатель, кодифицирующий положения правовой нормы, одновременно с этим определяя критерии отклонений от этих норм. Прежде всего, субъект отличает подлежащие нормированию отношения от нерелевантных для различения между нормой и девиацией. В жизни мы совершаем массу поступков и действий, в отношении которых никому не придёт в голову применять понятия нормы и девиации. Приём пищи, конечно, сам по себе является

нормой, а систематический отказ от одного по разным соображениям – девиация. Однако же не принято «соотносить» эти поведенческие формы с понятиями нормы и девиации. Приём пищи сам по себе (не имеется в виду его регулярность, качество и т. д.) не осмысливается как норма – ему не придаётся социального смысла нормы, а значит, он не образует собой социальной реальности нормы. Систематический же отказ – явление статистически слишком малозначимое, чтобы тратить усилия на его осмысление и наклеивание ярлыков (если речь идёт о политических и иным образом мотивированных голодовках; с всеобщим же распространением моды на похудание с сопровождающими её эксцессами булемийно-анорексического характера ситуация несколько меняется). Иначе, нежели с питанием, дело обстоит с категоризацией и стигматизацией приёма/неприёма алкоголя, и, опять же иначе – с приёмом/неприёмом героина.

Следует признать наличие «исключённого третьего»: всего универсума социальной реальности, не соотносимой изначально или актуально ни с нормой, ни с девиацией, не обладающего имманентными свойствами самонаблюдения (различения и обозначения) на основе этих категорий. Основная масса деяний и отношений не является ни нормой, ни девиацией. Понятиями нормы и девиации мы, как лучом прожектора, выхватываем из тёмного неструктурированного пространства фрагменты (**маркируем**² пространства), и картина, которую мы получаем, в значительной степени зависит от направления и прочих характеристик луча: что окажется в полутени, что на первом плане, что за пределами освещённого пространства. Или же понятия нормы и девиации можно представить себе как призму, через которую мы наблюдаем социальную реальность. Опять же, почему мы направляем луч (или фокусируем призму) тем или иным образом, требует специальной рефлексии и обоснования.

«Естественное» не есть нормально либо девиантно – отправление естественных потребностей не является нормой либо девиацией, определение же слишком долгого воздержания от одного как девиации маловероятно. Однозначной девиацией является такое отправление лишь в определённых условиях, местах и обстоятельствах. Итак, первое (возможно и основное) дело конструирования – отде-

² Luhmann, N. (1992): Die Wissenschaft der Gesellschaft. – Suhrkamp/Frankfurt a. M.: 134, 247

ление значимого для нормирования от незначимого, при наличии некоей периферии, в отношении которой понятия нормы и отклонения применяются лишь в виде исключения, изредка, нехотя, «девиантно». Тем самым выделяется и **маркируется** (выхватывается лучом прожектора из перевозданного и неструктурированного хаоса всех социальных отношений, событий, актов коммуникации) некое пространство, в пределах которого принято, удобно, логично имеет смысл подразделять реальность на нормальную и девиантную. Это коммуникативное пространство обладает центральной областью, ядром (различение между убийством и неубийством), и периферией (различение между уплатой налогов и уклонением от оногo). Если в центральной области различение проводится достаточно просто и однозначно, то периферийная зона «теряется в потёмках», преисполнена двусмысленностей и противоречий. Не иначе дело обстоит и с маркированием пространств применимости моральных категорий (хорошо и плохо), либо, скажем, когнитивных (истинно и ложно).

2. Фиксация на отношениях нормы и отклонения. В «классическом» своём варианте девиантология занята преимущественно исследованием отношений в пределах нормируемого, т. е. «освещённого» или **маркированного** пространства. В центре её внимания – процессы и отношения между нормой и отклонением, а не между нормируемыми и ненормируемыми процессами и отношениями.

3. Жёсткое априори оппозиции между нормой и отклонением. В отношении центрального акта конструирования – собственно различения между нормой и отклонением, можно сделать лишь несколько замечаний, поскольку всё основное было уже досконально обследовано и осмыслено теоретиками девиантности. Первое замечание касается отношения между нормой и отклонением. В пределах нормируемого пространства норма не является отклонением, а отклонение – нормой. Всё, что не нормально – девиантно, и *vice versa*. В то же время, благодаря Дюркгейму мы прочно усвоили, что норма неотделима от девиантности (и *vice versa*). Одного без другого не бывает, потому что не может быть никогда. Норма также живёт отклонением, как и отклонение нормой. Ставить вопрос о первичности того или иного столь же целесообразно, как и заниматься выяснением, что было раньше – курица или яйцо. Лишь через осознание, осмысление отклонения, конфронтацию с ним

осознаётся и осмысливается, воспринимается как действительность социальная норма – и наоборот.

Норма может быть формальной и неформальной, писанной и неписанной, правовой и моральной. Если следовать логике определения «мнимого» преступления³, то норма может быть и девиантной, но с этим предположением мы предвосхищаем характеристику второй, «постклассической» парадигмы. Совокупным результатом нормирования является нормативный порядок общества, посредством которого реализуется устойчивость и относительно универсальный характер социальных институтов.

Нормативный порядок не лишён противоречий. «Классическая» парадигма не отрицает конфликтности норм. То, что здесь и сейчас сконструировано как отклонение, может быть завтра либо в ином месте осмыслено как отклонение. Где-то едят рыбу (собак, лягушек, червей), в иных же местах подобные гастрономические наклонности определяются как в высшей степени девиантные. Нормирование может выступать инструментом классового господства – в качестве нормы определяется то, что выгодно или удобно господствующим классам. Понятия воровского закона находятся в заведомом противоречии с нормами закона «ментовского».

4. Примат нормативного порядка перед нормативным беспорядком. Несмотря на вышесказанное, существует определённый нормативный консенсус. Он не может не существовать, точнее, общество без него не может существовать. Без него оно обречено погрязнуть в конфликтах и хаосе, войне всех против каждого и каждого против всех. Причём результаты нормирования отвечают нескольким имплицитным требованиям, лежащим за пределами самого процесса нормирования (носящими, так сказать, «объективный» характер).

5. Постулат адаптивности нормы. В качестве нормы обозначаются такие образцы действий, поведения и отношений, которые не угрожают существованию социума. Видимо, в перманентном процессе восприятия и осмысления действительности, в результате многочисленных проб и ошибок общество вырабатывает критерии отделения зёрен от плевел – и, в итоге, определяет в качестве «ненормального» то, что угрожает его существованию; в качестве нормы же – общепользные, или, по меньшей мере, нейтральные образцы поведения. В итоге, убийство и изна-

³ Шестаков, Д. А. (2001): Криминология. Краткий курс. – Лань/СПб: 77

силование оказываются явным отклонением, а солидарность и взаимовыручка (в разумных пределах) – нормой общественной жизни. Либо же здесь действует некое подобие естественного отбора. Те сообщества, которые недостаточно «адекватно» отличают подлежащее нормированию от неподлежащего и определяют адаптивное как отклонение, а маладаптивное как норму – не то чтобы сразу вымирают, но теряют жизненные силы, энергию, уступают в развитии другим, «адекватнее» различающим обществам. Хотя, конечно, история знает и примеры длительного и успешного существования обществ, определявших, скажем, сожжение ведьм как норму.

На всякий случай, общество и сверхадаптивные (сверхполезные) образцы поведения – творчество, героизм, определённые виды аскезы, – определяет как отклонение, только позитивное. Возможно, слишком хорошо – уже отнюдь не хорошо, и невидимой руке естественного отбора виднее, что излишнее количество героев угрожает существованию сообщества. Возможно, общества и могут существовать лишь при наличии относительно большой нейтральной середины и маленьких сегментов – один из героев, другой из злодеев. Так ли оно, нам знать не дано (дано только спекулировать на этот счёт), однако в целом вызывает некоторое возражение смешение в единой концептуальной схеме нормативных (позитив/негатив) и когнитивных (норма/девиация) критериев различения. Обычно такое смешение не приводит к позитивным научным результатам.

5. Норма статистически более распространена, чем отклонение. Выделение позитивных отклонений наводит на мысль, что норма собственно нормативная, как правило, в силу стечения обстоятельств, является и нормой статистической. Основная масса реально практикуемых поведенческих проявлений попадает в разряд «нормальных» и «чуть-чуть» девиантных. Чем далее отклонение от нормы, тем реже встречается соответствующий образец поведения. Потребление алкоголя «в меру» – норма (вопрос только, где мера – я свою знаю, но никогда до неё не допиваю – раньше под стол падаю). Постоянное и обильное потребление, сопряжённое с ущербом для здоровья и риском для социального бытия своего и окружающих – негативное отклонение. Полное воздержание от алкоголя – тоже отклонение, только позитивное (?). Приватизировать какую-нибудь мелочь на рабочем месте – в пределах статистической нормы. А вот убить сослуживца – явное и недвусмыслен-

ное отклонение. То есть, в принципе, распределения организуются по принципу гауссовской кривой. Либо в массе своей люди избегают слишком часто практиковать то, что определяется как отклонение (и санкционируется соответствующим образом). Либо же в качестве отклонения определяются заведомо редкие образцы поведения (немецкий социолог Генрих Попитц обосновал невозможность стигматизации и санкционирования широко распространённых деяний как девиантных – в таком случае норма «теряет свои зубы от слишком частого их употребления»⁴).

Если за единицу анализа принять не действия, а индивидов, открывается аналитическая плоскость рассмотрения «отклонений второго порядка». Не девиации являются девиантными, а их «чрезмерная» (или, напротив, слишком низкая) интенсивность и концентрация в поведении того или иного индивида. «Нормальные» люди грешат и «девиантят» время от времени, понемножку. Отклоняется же в негативную сторону тот, кто допускает сугубо опасные девиации, (либо же сугубо социально полезные – к позитивному полюсу). Или же к отрицательному полюсу отклоняется тот, кто допускает «слишком» часто лёгкие негативные девиации (напротив, допускающий таковые «слишком» редко отклоняется к положительному полюсу).

В характеристике «классической» парадигмы остаётся добавить, что она допускает случаи рассогласования собственно нормативного, адаптивного и статистического измерений. Скажем, она признаёт возможность широкого статистического распространения маладаптивных и нормативно неодобряемых образцов поведения (таких, как уклонение от уплаты налогов). Либо же возможность нормативной поддержки и позитивного санкционирования социально опасных видов поведения (доносительство в определённых социальных контекстах). А также нормативных запретов на социально нейтральные и полезные образцы поведения (случай так называемых «мнимых» преступлений в терминологии Дмитрия Шестакова или «социально неадекватных» норм в системе категорий, предложенной Татьяны Шипуновой⁵). Но случаи такого рассогласования – скорее исключение из правил, сво-

⁴ Popitz, H. (1968): Über die Präventivwirkung des Nichtwissens. Dunkelziffer, Norm und Strafe. – J.C.B.Mohr (Paul Siebeck)/Tübingen: 19

⁵ Шестаков, Д. А. (2001): Криминология. Краткий курс. – Лань/СПб: 77; Шипунова, Т. (2003): Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. – Изд. СПб университета/СПб: 30 и далее

его рода отклонение в практике различения между нормой и отклонением. Как правило же, собственно нормативная норма – она же и адаптивная, она же – и статистическая (по крайней мере, в «нормальных», а не «отклоняющихся» обществах).

«ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ» ДЕВИАНТОЛОГИЯ

Вышеприведённая характеристика «классической» девиантологии не претендует на сколько-нибудь исчерпывающее и детальное изложение её постулатов. Целью было лишь пояснение тех импликаций и аспектов, которые именно ставятся под вопрос с «постклассической» точки зрения. Речь идёт о таких положениях и исходных допущениях, которые принимаются без доказательств, либо как аксиоматические предпосылки (норма не есть отклонение), либо же как самоочевидные факты (относительная редкость и маладаптивность негативных девиаций). «Постклассика» же отказывается в ряде случаев от аксиом либо требует экспликации их предпосылок. Она не опровергает положений «классической» фазы, а занимается прояснением тех вопросов, которые, с её точки зрения, не ставятся «классикой», либо же находятся на периферии «классического» поля зрения.

1. Первое, что находится под вопросом – это присутствие субъекта конструирования. В рамках «постклассической» парадигмы вполне возможны теории, работающие с понятием субъекта и субъектности, однако возможны и иные решения. Для иллюстрации последних можно попытаться показать, как будут выглядеть охарактеризованные выше положения и отношения с точки зрения радикального конструктивизма Никласа Луманна.

Сердцевину общесоциологической теории названного автора, как известно, составляет теория социальных систем. А системная теория несовместима с любыми теориями субъектности в принципе⁶. В ней снимается различие между субъектом, объектом и предикатом. Социальная реальность, включая девиантность – не предмет конструирования (общественным сознанием или практикой, законодателем, богом и т. д.). Она сама конструирует себя и сама же есть процесс этого конструирования. Процесс этот рекурсивный и аутопойетический. Это означает, что акты коммуникации (образующие элементарные единицы и, в целом, субстанцию

⁶ Nassehi, A. und Nollmann, G. (2004): Einleitung: Wozu ein Theorievergleich? In: Diess. (Hrsg.): Bourdieu und Luhmann. Ein Theorievergleich. – Suhrkamp/Frankfurt a. M.: 7

социальной реальности) воспроизводят сами себя, соотносясь лишь с предшествующими актами – они должны быть согласуемы с предшествующими, вытекать из них, иначе коммуникативная цепочка прерывается (попросту говоря, сказанное «А» предполагает, что далее с наибольшей вероятностью будет сказано «Б», а не «Ъ»). Исходя из той же логики, акты коммуникации задают характер и направленность дальнейшего её протекания. Никакой внешней силы и источника для управления этим процессом и придания ему динамики не требуется. Ни биологические индивиды, ни психическая реальность сознания не являются такими источниками. Они выступают лишь в качестве внесистемных предпосылок – без них коммуникация невозможна, но их свойства и качества ни в коей мере не определяют характера развития коммуникативных процессов⁷.

2. Несистемность девиантности. Девиантность конструируется в общем потоке коммуникативных процессов, однако сама она не обладает способностью к аутопойезису. В отличие от «больших» аутопойетических и «самореференциальных» систем общества (вроде политики, экономики, права) она не обладает системным свойством поддержания границ с внешней средой за счёт внутренних источников. Она не располагает собственным системным кодом и коммуникативным медиумом (коим в экономике являются деньги, в политике – власть). Различение между нормой и девиацией задаётся извне, из-за пределов того «маркированного пространства», в котором имеет смысл различение между нормой и отклонением. Различение происходит на основе системных кодов той же экономики, морали, политики, права. Из этих соображений, носящих самый абстрактный характер, вытекает ряд более конкретных подходов к определению повестки дня «постклассической» девиантологии».

3. Вопрос об отношениях между «нормируемым» и «ненормируемым» перемещается из периферии анализа в его центральную область. В центре внимания оказывается вопрос применимости или неприменимости категорий нормы/девиации для наблюдения (различения и обозначения) и, тем самым, конструирования социальной реальности. Почему поступки и индивиды в одном случае определяются как «ненормальные», в другом случае – как «больные», в третьем слу-

⁷ Luhmann, N. (1984): Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie. – Suhrkamp/Frankfurt a. M.; Luhmann, N. (1997): Die Gesellschaft der Gesellschaft. Bd. 1. – Suhrkamp/Frankfurt a. M.: 866 и далее

чае – как морально упречные, в четвёртом – как противоестественные, в пятом – как криминальные? А в каких случаях социальная реальность обычно конструируется сочетанием этих категорий и различий? Логика проведения различия между нормой и отклонением не относится к априорным категориям. Она не конструируется учёным как участником «наблюдения второго порядка» – наблюдения над тем, как протекают процессы наблюдения первого порядка, при которых в коммуникативной практике различаются и обозначаются добро и зло, истина и ложь, право и «неправо»⁸. Она не конструируется законодателем либо инерционными процессами видоизменения общественного сознания, равно как и переменчивой модой, вкусом, общественным мнением. Воплощаемые в коммуникации позиции названных акторов и обстоятельств подчиняются внутренней логике коммуникативных процессов. Процесс протекания коммуникации в целом и его внутренние закономерности определяют вариации разграничения между нормой и отклонением. Чтобы понять отношения между ними, требуется понимание отношений в ненормируемом пространстве.

Вышесказанное выглядит как предложение, растворить предмет девиантологии в социальной реальности в целом. «Без общесоциологической теории – никакой девиантологической теории». Без подвижек в «обществе в целом» ни один волосок не упадёт с головы нормы или девиации в «маркированном пространстве». В действительности, такой подход создаёт определённые практические трудности – становится сложнее определить конкретный предмет исследования. Что это в каждом данном случае – скажем, проституция как вид девиантности, или же «общество и социальная реальность в целом»? Но не всегда следует искать лёгкие пути. Это, по всей видимости, в действительности настолько же трудно, насколько и почётно – определить конкретный предмет исследования, не потеряв при этом из поля зрения «общества в целом». Границы между «нормируемым» и «ненормируемым» при этом размываются; отношения между этими областями, с одной стороны становятся предметом особого анализа; с другой стороны, постулируемое как «самоочевидность» противопоставление между ними релятивируется.

⁸ Luhmann, N. (1997): Die Gesellschaft der Gesellschaft. Bd. 1. – Suhrkamp/Frankfurt a. M.: 93 и далее

4. Контингентность отношений между нормой и отклонением. «Постклассика» пересматривает границы между нормой и отклонением. Допустим, существует нечто, что можно идентифицировать как «нормативный порядок». А что, если девиация находится не за пределами этого порядка, а интегрирована в него логически и органически, в саму его ткань? Возможно, она является одним из центральных несущих элементов этого порядка? И дело не в том, что логически понятие нормы лишено смысла без понятия отклонения. А также не в том, что отклонение, согласно Дюркгейму, требуется в практической жизни для подчёркивания того, что же есть норма, для лучшего акцентуирования оной. Отклонение не обязательно противопоставляется норме; отношения между ними не обязательно являются оппозицией, а носят более многообразный и неоднозначный (контингентный) характер. Отклонение может быть «продолжением нормы» другими средствами либо же в иных условиях (не говорилось ли в «классической» криминологии о преступлении как нормальной реакции на ненормальные условия?). Норма и отклонение могут соприкасаться, взаимно пересекаться, в ином случае и определяться безотносительно друг другу (то есть, возможен такой нонсенс с точки зрения «классической» девиантологии, как существование нормы без парной ей девиации, равно как и девиации без нормы).

Для иллюстрации этих парадоксальных и в высшей степени девиантных (чтобы не сказать еретических) предположений, можно предложить ряд вопросов. Не считается ли у нас порой ненормальным чиновник, отказывающийся наотрез от взяток, при наличии возможности вполне безопасного и безнаказанного их принятия? То есть, коррупция в той же степени является одновременно нормой и отклонением, что и «некоррупция». И не очень подходит к анализу данной ситуации категория конфликтности норм, поскольку в таком случае пришлось бы признать, что ряд нормативных отраслей погряз в перманентном конфликте, и в них отсутствует какой-либо нормативный порядок. Причём это отрасли – центральные для институциональной организации общества. Возьмём к примеру, институт семьи. Чем в отношении этого института является проституция? Вызовом, угрозой, противоположностью, дополнением, морально неодобряемой предпосылкой устойчивости морально одобряемого института? А что означает наличие элементов материального расчета в установлении и поддержании семейных отношений? По формальным

признакам, конечно, не проституирование – ведь речь идёт не о разовых контактах с переменными партнерами вне брака. Ну а по сути – не есть ли это продажа того, что общими культурными предписаниями не предусмотрено в качестве предмета купли-продажи? И если так смотреть на вещи, то эти мотивы расчета являются элементами проституции в самой жизненной ткани семейных отношений, которые по определению противопоставляются проституции. А что, если такие мотивы распространены достаточно широко в выборе партнера и поддержании отношений с таковым (в чём может убедиться любой, проведший некоторое время на полях любовно-брачных сайтов)? В таком случае придётся признать, что нормальные семейные отношения насквозь пронизаны девиантными проявлениями проституции: норма просто неразделимо слита с отклонением, которое предстаёт отнюдь не внеположенным по отношению к норме. В области тех же брачных отношений не иначе дело обстоит с адюльтером; в сфере государственного управления – с коррупцией; в области личных взаимоотношений – с агрессией; в повседневной жизни – с потреблением психоактивных веществ; в индивидуальном и коллективном сознании – с суицидальными настроениями. В любом случае, в той или иной концентрации девиация предстаёт интегральным компонентом нормы, а отнюдь не исключением, подтверждающим правило (как это предполагается красивыми схемами, конструируемыми здравым смыслом и научным теоретизированием).

Любое социальное действие или отношение, любая сколь угодно малая и неразложимая единица социального анализа (например, акт коммуникации) одновременно несёт в себе элементы нормы и девиации (в более точной формулировке, поддающиеся смысловому соотнесению с понятиями и нормы и девиации). Обретение ею нормального или девиантного качества не требует преобладания «объективно нормальных» либо «объективно девиантных» качеств. Переход из нормальной в девиантную категорию не предполагает в обязательном порядке принятия специальных нормативных актов, перехода из одного в другой (социокультурный) контекст либо же взгляда с иных системных, классовых и других позиций. Переходы через границу между нормальным и девиантным могут быть скорее описаны как перманентные и моментальные осцилляции.

5. От объяснения девиантности к объяснению нормальности. Из вышесказанного вытекает два предложения. Первое из них носит достаточно абстрактный

характер и гласит, что предпосылкой понимания девиантной реальности всегда является, прежде всего, понимание реальности «нормальной». Невозможно достичь глубокого понимания наркопотребления без понимания «нарконепотребления». На этом общем предположении основан более конкретный вывод, отчасти уже реализуемый в исследовательской практике. Речь идёт об инверсии исходных причинно-следственных постановок вопросов в девиантологии. До сих пор в ней принято преимущественно задаваться вопросом: а кто, как и почему, собственно, потребляет наркотики? Берёт взятки? Изменяет партнеру? Поиски ответов на эти вопросы ведутся уже давно и с усердием, достойным лучшего применения. Накоплена масса эмпирического материала, построено множество теоретических положений и эмпирических обобщений. На сегодняшний день требуются новые перспективы, и одна из них как раз открывается, если поставить вопросы обратным образом: а кто, как и почему, собственно, не берёт взятки (имея на то объективную возможность)? Не потребляет наркотики? Не изменяет партнеру? В милиции: не бьёт подозреваемых в совершении преступлений в целях принуждения к признанию?

б. От исследования разграничения нормы и девиации к исследованию их совпадения/пересечения. Возможно ещё одно предложение – уделить особое внимание не тем случаям, в которых норма поддается чёткому и однозначному разграничению с отклонением, а тем нестандартным и парадоксальным случаям, в которых норма пересекается либо совпадает отклонением. Предположительно, таких случаев будет предостаточно. Возможно, требуется дополнительное пояснение, в каком виде и качестве представимы эти случаи.

В концептуальных схемах исследователя норма и отклонение всегда выступает в виде неразделимой пары, находясь в отношении оппозиции. Если поведение, не включающее в себя осознанных суицидальных попыток, соотносится с понятием нормы, то суицидальные попытки образуют отклонение. Пересечений и взаимных наложений здесь не наблюдается. Допускается, конечно, некая промежуточная область суицидальных мыслей и настроений, но их легко исключить из поля зрения в той степени, в которой они не реализуются в конкретных поведенческих актах.

В смысловой реальности внеучной коммуникации всё обстоит сложнее. Далеко не всегда окажется возможным найти «оппозиционную пару» отклонению. И порой может оказаться, что отклонение одновременно осмысливается в качестве

нормы. Для иллюстрации проведём мысленный эксперимент в виде этнометодологической беседы (подобные беседы автор неоднократно вёл со своими знакомыми, однако данный предмет не представлялся ему столь важным, чтобы оправдать усилия по какому-либо документированию). Итак:

В: Ну так, супружеская измена – это ненормально?

И: Ну да, конечно... пожалуй...

В.: Что же тогда нормально? Хранить супружескую верность?

И: Конечно! По крайней мере, в идеале.

В: Выходит, супружеская верность – правило, нарушение её – исключение, которое подтверждает правило. Как же получается, что в реальной жизни исключением является то, что в идеале есть правило? В любом случае, согласно правилу ведут себя менее половины граждан? Тогда уж верность – «правило, которое подтверждает исключение»?

И: Ну так это потому, что этот мир ненормальный...

В: Тогда получается, что, с точки зрения этого мира, идеальная норма - ненормальна. Нормы в полном смысле этого слова нет, есть одно отклонение - супружеская неверность, и этому отклонению противопоставит другое отклонение – соблюдение супружеской верности... То есть отклонение – вот оно; норма же отсутствует... Либо же оба отклонения – и соблюдение супружеской верности и нарушение её – одновременно являются нормой?

И: Слишком всё это сложно и запутанно, надо на вещи смотреть просто...

В: Например, если ещё понемножку изменять – это ещё нормально, а вот если нагло и систематически – это уже ненормально?

И: Ну нет, это тоже неправильная позиция...

Данный диалог призван проиллюстрировать сразу две парадоксальные ситуации. В реальной жизни порой можно определить нечто как «ненормальное», будучи не в состоянии сказать, что же в таком случае есть норма. И порой придётся признать, что некий образец поведения с тем же основанием относится к норме, что и к отклонению (пусть даже по разным критериям). В смысловой реальности, к сожалению, отсутствует стройный порядок, характерный для концептуальных построе-

ний, которые мы склонны создавать перед погружением в эту самую реальность в целях её предварительного упорядочивания.

7. Рассогласование адаптивной, статистической и собственно нормативной нормы. Принимая во внимание многозначность критериев различения между нормой и отклонением, имеет смысл сформулировать ряд вопросов об **отклонениях второго порядка**. К таковым, в частности, можно отнести случаи рассогласования между различными основаниями разграничения между нормой и отклонением. Как уже отмечалось выше, эти основания могут быть статистическими, адаптивными и собственно нормативными. Статистическая норма соотносится с преобладающими образцами поведения, адаптивная – с необходимыми или неопасными для жизнеобеспечения социума, нормативная же – с морально либо юридически предписанными. Особый интерес представляет собой анализ различных вариантов отношения между этими аспектами или измерениями нормальности или девиантности: в каких условиях и каким образом «маладаптивно-девиантное» поведение становится статистически нормальным, и какие это имеет последствия (уклонение от налогообложения)? От чего зависит согласованность или рассогласованность правовой и адаптивной нормы (то есть запрет на социально опасные образцы поведения либо же, напротив, предписание таковых)? В рамках «классической» парадигмы такие ситуации имели скорее погранично-периферийный, маргинально-экзотический статус, «постклассическая» же парадигма выдвигает их в самый центр повестки дня. Даже если признать наличие механизма (вроде «естественного отбора»), обеспечивающего социальную поддержку именно адаптивной нормы и порицание неадаптивной, то лишь анализ именно пограничных, рассогласованных, «отклоняющихся» случаев и ситуаций позволяет получить представление о функционировании такого механизма.

СОЦИАЛЬНО И ЭКОЛОГИЧЕСКИ НЕНОРМАЛЬНАЯ НОРМА (А)НОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

В отношении массовых распределений проблема отклонения второго порядка может быть поставлена и следующим образом. «Классическая» парадигма постулирует, как правило, гауссовское распределение социально нейтральных, полезных и опасных образцов поведения. Нейтральные и слегка отклоняющиеся образцы образуют подавляющую массу, откровенное же злодейство и великий героизм – некие

редкостные крайности, полюса опасности с одной стороны, и полезности с другой. Ну а если статистически массовое и морально одобряемое поведение обретает качество угрозы для социума? Скажем, всеобщее стремление к индивидуальному повышению уровня и интенсивности материального потребления без полагания пределов своим потребительским амбициям чревато разрушением социальных, культурных и экологических предпосылок существования общества?

В целях иллюстрации можно взять более частный случай материального потребления – стремление к обладанию автотранспортными средствами. Скажем, в России многократное возрастание обеспеченности граждан автотранспортом обещает обернуться хаосом на дорогах. Все желают быть мобильными и экономить время: результат – все обездвижены в пробках либо тратят часы на поиск места парковки. Все хотят вовремя являться на работу и на встречи, в результате – систематические опоздания и срывы встреч по причине тех же пробок и парковок. А ежели автомобильные амбиции реализуются в глобальном масштабе (прежде всего, в Китае), то ездить на благоприобретённых автомобилях не сможет никто по той простой причине, что будет нечем дышать, кроме как выхлопным газом. Согласитесь, ездить, будучи не в состоянии дышать, довольно затруднительно. Можно, конечно, полагаться на ангела-хранителя либо же некую «невидимую руку», которая подвинет человечество к переходу на новые виды топлива и принципиальное улучшение инфраструктуры дорог, прежде чем произойдёт экологический и автотранспортный коллапс. Однако же, для этого потребуется значительное перераспределение средств из области частного потребления в сферу общественных инвестиций (в строительство дорог и развитие альтернативных систем энергообеспечения). На какие же средства тогда граждане будут приобретать возжелённые автомобили, если более значительная доля будет изыматься из их частных карманов на реализацию общественных проектов?

Никому сегодня не придёт в голову, определить стремление к максимально возможному уровню материального достатка как отклонение. Более того, ненормальным будет выглядеть тот, кто поставит под сомнение нормальность такого стремления, заложенного, якобы, в некоей «вечной и неизменной природе человека». Несколько десятилетий назад эту вечность и неизменность вполне обоснованно и доказательно, на обширном историческом и антропологическом материале по-

ставил под сомнение Карл Полани⁹. И вот уже высказываются определённые сомнения в его нормальности¹⁰.

Потребительская одержимость является ярким примером того, что можно одновременно, с точки зрения разных критериев, отнести и к норме, и к отклонению. С адаптивной точки зрения и в исторической перспективе – это отклонение. Статистически и собственно нормативно (в рамках существующей культуры) – это норма. Следует отметить, что данная норма является и адаптивной, но лишь в рамках экономической подсистемы общества, одной из основ бесперебойного функционирования которой является всё более интенсивное открытие новых потребностей наряду с всё более экстенсивным (и пусть даже эксцессивным) их удовлетворением. Этот случай сам предлагает себя для иллюстрации того, как маладаптивно-девиантный вид поведения может оказаться одним из центральных элементов нормативной системы, одной из несущих конструкций экономики в её существующем виде. Иной автор будет утверждать, что такая экономика – единственно возможная и наилучшая из возможных. Другие же склонны подчёркивать её историческую специфичность, ограниченность и преходящесть. Специфика её, возможно, состоит в том, что экономика вырвалась из социального контекста, обрела самостоятельную и самодовлеющую динамику развития. В результате, не экономика выполняет социальные функции, а общество обслуживает функционирование экономики. Нормальное ли это отношение, или же девиантное?

В любом случае, нормальность и девиантность данного либо любого иного отношения зависят не от его объективных характеристик, например, распространённости, устойчивости во времени или же социальной полезности/опасности в их объективном понимании. Коммуникативный процесс конструирования нормы и девиации не управляется и не руководствуется внешними критериями. Логика различения и обозначения заложена в самой коммуникации. И на основе этой логики возможно различение и обозначение **только** нормы и девиации, а отнюдь не добра и зла, социально опасных, и полезных, редких и распространённых видов поведе-

⁹ Polanyi, K. (1978/1944): *The Great Transformation. Politische und ökonomische Ursprünge von Gesellschaften und Wirtschaftssystemen.* – Suhrkamp/Frankfurt a. M.: 71 и далее; см. также Bauman, Z. (1998): *Work, consumerism and the new poor.* – Open University Press/Buckingham & Philadelphia: 7 и далее

¹⁰ Капелюшников, Р.И. (2005): Деконструкция Поланьи: заметки на полях «великой трансформации». В: «Социологический журнал» 3: 5-36

ния. В силу этого, результатом конструирования может оказаться обозначение в качестве нормы социально опасного или относительно редкого вида поведения. Конструирует не бог, не естественный отбор или объективная необходимость самосохранения общества, а также не отдельные личности с их представлениями о добре и зле, надлежащем и ненадлежащем поведении. Конструирует коммуникация – причём самоё себя. А норма и девиация являются в одном лице инструментом и результатом конструирования.

ЛИТЕРАТУРА

- Капелюшников, Р.И. (2005): Деконструкция Поланьи: заметки на полях «великой трансформации». В: «Социологический журнал» 3: 5-36
- Шестаков, Д. А. (2001): Криминология. Краткий курс. – Лань/СПб
- Шипунова, Т. (2003): Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. – Изд. СПб университета/СПб
- Bauman, Z. (1998): Work, consumerism and the new poor. – Open University Press/Buckingham & Philadelphia
- Luhmann, N. (1984): Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie. – Suhrkamp/Frankfurt a. M.
- Luhmann, N. (1992): Die Wissenschaft der Gesellschaft. – Suhrkamp/Frankfurt a. M.
- Luhmann, N. (1998): Die Gesellschaft der Gesellschaft. – Suhrkamp/Frankfurt a. M.
- Nassehi, A. und Nollmann, G. (2004): Einleitung: Wozu ein Theorievergleich? In: Diess. (Hrsg.): Bourdieu und Luhmann. Ein Theorievergleich. – Suhrkamp/Frankfurt a. M.: 7-22
- Polanyi, K. (1978/1944): The Great Transformation. Politische und ökonomische Ursprünge von Gesellschaften und Wirtschaftssystemen. – Suhrkamp/Frankfurt a. M.
- Popitz, H. (1968): Über die Präventivwirkung des Nichtwissens. Dunkelziffer, Norm und Strafe. – J.C.B.Mohr (Paul Siebeck)/Tübingen